

Аль-Хайтам слишком хорошо знал: человеческая жадность не знает границ.

Учёные одержимы погоней за великой силой, правители жаждут абсолютной власти, а те, кто вкусил привилегий, стремятся во что бы то ни стало подмять под себя остальных.

Поэтому, выбирая союзника в этом городе, он остановился на мэре Йокогамы — человеке, которого давно задвинули на задворки политической арены и который отчаянно искал способ вернуть былое влияние.

С началом войны эсперов мэр острее прежнего ощутил собственное бессилие. Лишённый способностей обычный человек потерял всякое право голоса, пока цветущий, экономически процветающий город на его глазах превращался в арену чужих кровавых разборок.

Он жаждал вернуть утраченный статус, грезил об изгнании эсперов и надеялся превратить свои будущие достижения в надёжный трамплин для карьерного взлёта.

Вот только все эти чаяния оставались лишь бесплодной яростью обывателя. Мэр не смел выказать свои амбиции перед Специальным отделом по делам эсперов, а во время разборок Портовой мафии ему и вовсе приходилось притворяться глухим и слепым.

Безвольный, ни на что не способный чинуша — этот ярлык приклеился к нему намертво.

Однако за ширмой мнимой посредственности скрывалось нечто большее. Аль-Хайтам выяснил, что мэр втайне скупает разработки, способные подавлять эсперские способности, — от опасных препаратов с тяжелейшими побочными эффектами до живого «товара», то есть эсперов, умеющих на короткое время нейтрализовать чужую способность в небольшом радиусе.

Прознай об этом Специальный отдел, грандиозного скандала было бы не избежать.

Аль-Хайтам задумчиво провёл пальцами по обложке своего блокнота, прикидывая, как протянуть политику руку помощи и заставить его пустить накопленные ресурсы в дело.

Секретная лаборатория, чьи координаты невозможно установить из-за вмешательства пространственного эспера... Если отыскать её и прибрать к рукам результаты исследований, это станет козырем, способным перевесить любую чашу весов.

Ему нужно было преподнести мэру этот щедрый дар небес — пирог настолько огромный, что им можно объесться до смерти, — а затем поднять авторитет градоначальника до такого уровня, чтобы тот мог на равных противостоять как Специальному отделу, так и Портовой мафии.

Обычные люди и эсперы, закон и криминал, официальные структуры и теневые синдикаты,

жаждущие урвать свой кусок.

Разве это не идеальный баланс сил?

Вот только нынешней Йокогаме требовалось не хрупкое, хаотичное равновесие, а тотальная чистка и жёсткий контроль со стороны законной власти.

Размеренным шагом Аль-Хайтам дошёл до здания городской администрации.

Разумеется, заходить внутрь он не планировал — его целью было передать своеобразную визитную карточку, причём самым законным путём.

Опустив заранее подготовленный конверт в почтовый ящик, он ни секунды не сомневался, что письмо дойдёт до адресата.

Любые важные сведения неизбежно сеют смуту и привлекают внимание. Стоит ищейкам мэра потянуть за ниточку, как оставленные им контакты окажутся прямо на столе у градоначальника.

Лучший способ подчинить человека — легонько надавить на его уязвимое место и прямо заявить:

— Твои тайны раскрыты. Ты под моим прицелом, но тебе меня не найти.

В такой ситуации жертве остаётся лишь смириться и принять навязанное сотрудничество.

Аль-Хайтам ценил чужое время, но собственную безопасность берёг ещё сильнее. Заложив мину замедленного действия, он невозмутимо развернулся.

— Уходим.

Он подхватил зависшую в воздухе Систему. Способность этого крошечного существа скрывать его присутствие от чужих глаз всё ещё была незаменима.

Ограничиваться одной задачей на сегодня Аль-Хайтам не собирался. Будучи человеком дальновидным, он всегда держал в запасе несколько сценариев на случай, если мэр окажется излишне упрямым или подозрительным. Если план сорвётся, в ход пойдут варианты «Б», «В» и «Г».

Оставив здание ратуши позади, он направился к следующей цели.

Запасной план выглядел куда более дерзким: нанять первоклассного наёмника для покушения на главу Портовой мафии.

Замысел состоял в том, чтобы заманить преследователей к месту образования огромного кратера и вынудить Портовую мафию оцепить район, выдворив оттуда всех гражданских. Это требовало от исполнителя невероятного мастерства. Ему предстояло не просто разозлить мафиози, но и заставить их поверить, будто толпы обычных людей на улицах мешают поимке убийцы.

Впрочем, под бдительным оком Специального отдела по делам эсперов мафиози в любом случае не посмели бы устроить откровенную резню.

Метод казался радикальным, но его эффективность не вызвала сомнений. Идеальный козырь в рукаве на случай, если время начнёт поджимать.

— Если тебе нужен наёмник, у меня есть отличный кандидат, — робко подала голос Система.

Она не знала всех деталей грандиозного замысла Аль-Хайтама, но услышанные обрывки мыслей мгновенно вызвали у неё конкретную ассоциацию.

Этого юного наёмного убийцу звали Сакуносукэ Ода. В данный момент он перебивался случайными заказами от мелких, никому не известных банд.

— Вот как? Расскажи подробнее, — в голосе Аль-Хайтама проскользнул лёгкий интерес.

Заметив, что собеседник благодушно настроен, Система виртуально прокашлялась и выдала подробное досье вместе с описанием эсперской способности.

Способность называлась «Безупречный».

Она позволяла предвидеть будущее на пять секунд вперёд. В сочетании с парой пистолетов и превосходными навыками рукопашного боя это делало юношу смертоносным оружием. Эффективность его способности ограничивалась лишь физической формой и скоростью реакции. По заверениям Системы, на сегодняшний день этот парень по праву считался одним из опаснейших киллеров Йокогамы.

— Он невероятно исполнителен. Платишь достойную сумму — и дело в шляпе, — добавила Система, словно отчаянный торговец, стремящийся во что бы то ни стало сбыть товар.

— Стоит присмотреться. Где он сейчас?

Аль-Хайтам не привык спорить с фактами. Выведав у Системы координаты Сакуносукэ Оды, он

решил лично оценить мастерство юного наёмника.

— В трущобах Йокогама, на самой окраине. Скорее всего, ютится в каком-нибудь заброшенном грузовом контейнере. Наниматели пользуются его прямоотой и нещадно обсчитывают. Парень пашет за гроши, которых едва хватает на еду.

Система явно распалялась, готовая мысленно растоптать парочку недобросовестных работодателей.

— Вот как, — сухо обронил Аль-Хайтам.

Вскоре он добрался до пустыря, заваленного ржавыми металлическими коробками. Здесь, среди груд промышленного мусора, ютились несчастные, лишившиеся крова и близких из-за бесконечных уличных войн. Люди в грязных лохмотьях безучастно провожали его взглядами.

— Вон тот, с рыжевато-медной шевелюрой и сонным взглядом, — подсказала Система.

Аль-Хайтам присмотрелся и выхватил глазами единственного аккуратно одетого подростка в этой толпе. Тот с хрустом жевал чёрствую горбушку хлеба, совершенно не замечая крошек на щеках.

— Сакуносукэ Ода?

Юноша замер. Он медленно, словно ленивец из детских сказок, поднял голову, взглянул на незнакомца, а затем так же неторопливо кивнул и тихо буркнул:

— Да.

При взгляде на него, трудно было поверить, что перед ними — безжалостный первоклассный убийца.

Аль-Хайтам терпеливо дождался, пока парень проглотит последний кусок, и без единого слова обнажил клинок, мгновенно переходя в атаку.

Взгляд Оды изменился за долю секунды. Сонная дымка слетела с его лица, уступив место ледяной сосредоточенности. Опережая удар, он выхватил из-за пояса два револьвера и открыл встречный огонь.

— А ты неплох, — хладнокровно отметил Аль-Хайтам.

Молниеносным круговым движением меча он отразил пули и тут же сделал резкий выпад

вперёд, вовлекая противника в стремительный ближний бой.

Тем временем на другом конце города Артюр Рембо и Поль Верлен, прибывшие в Йокогаму ради секретного правительственного эксперимента, заканчивали последние приготовления.

Французские шпионы ни на секунду не сомневались в успехе своей миссии. Свободного времени у них было предостаточно, что позволяло каждому предаваться собственным мыслям.

Верлен, уже изучивший все предоставленные материалы, безучастно стоял у окна.

Рембо в это время неторопливо откупоривал бутылку красного вина.

Его густые чёрные волосы, небрежно спадающие на плечи, наверняка заставили бы завидовать любого мужчину, страдающего от облысения. В колышущемся рубиновом напитке отражались его глубокие, словно омуты, тёмно-зелёные глаза.

От всей фигуры француза веяло странным сочетанием тяжести и небрежности — серый плащ, верхние пуговицы которого были расстёгнуты, и неизменный тёмно-красный шарф, плотно обмотанный вокруг шеи.

— О чём задумался, мой друг? — тихо спросил Рембо.

— Ни о чём, — отозвался Верлен.

Его взгляд был устремлён на затянутое тучами небо. Серая пелена за стеклом в точности отражала то, что творилось у него на душе.

С тех пор как ему открылись подробности задания, Поль пребывал в глубоком смятении.

Существо, подобное ему самому, вскоре будет похищено и увезено во Францию, где его обрекут на те же муки, что довелось пережить ему. Никого в верхах не волновали чувства искусственного человека — его рассматривали исключительно как мощное оружие.

Верлен опустил взгляд.

Он был невероятно, почти пугающе красив. Благородный платиновый отлив волос и бездонные, цвета штормовой Балтики глаза делали его безупречное лицо похожим на скульптуру великого мастера. Если бы не его пугающая, противоестественная природа, толпы поклонников выстраивались бы в очередь, чтобы выразить ему своё восхищение — ведь в утончённой

Франции никогда не упускали возможности объясниться в любви истинной красоте.

Тонкая изящная коса, перехваченная алой шёлковой лентой, сбегала по его спине. Этот яркий штрих на фоне светлых волос невольно приковывал к себе взгляд Рембо.

Рембо часто ловил себя на том, что наблюдает за своим спутником. Этот юноша, которого он когда-то забрал из секретной лаборатории, вырастил и назвал своим напарником, оставался для него единственным близким человеком во всём мире.

Но Артюр никак не мог постичь его душу. Преподнесённые с душой подарки пылились на дальних полках, попытки завязать доверительную беседу неизменно разбивались о сухие служебные отчёты, а за вежливой полуулыбкой скрывались лишь холод и отчуждение.

«Понравится ли моему другу новая шляпа, способная защитить формулу личности от внешнего вмешательства?»

Купленное в ближайшей лавке вино оказалось посредственным. Ему не хватало благородной терпкости и букета, к которым привык утончённый парижский вкус Артюра.

Но Рембо пил его медленно, погружённый в свои фантазии. Он пытался представить, как на лице Верлена расцветает искренняя, живая улыбка, а не та заученная маска вежливости, которой он одаривал окружающих. Это зрелище наверняка затмило бы собой всё земное великолепие — подобно тому, как явление рождённой из морской пены Венеры потрясло древний мир.

Он тихо, горько усмехнулся своим мыслям. Вокруг царило безмолвие.

Очередное задание, дежурные подарки после его завершения, возможные опасности и нарастающая пропасть между ним и тем, кого он считал своей второй половиной.

Рано или поздно Рембо придётся признать: то, что он считал заботой и защитой, для Верлена давно обернулось удушающими оковами. А неуклюжие попытки сблизиться лишь причиняли боль напарнику, который так и не научился отличать искренние чувства от манипуляций.

Тем временем Верлен, приняв окончательное решение, укрепился в своём намерении спасти собрата по несчастью.

«Он станет моим младшим братом — единственным на всём свете существом, способным меня понять. Я заберу его отсюда и помогу стать настоящим человеком».

В его голове ещё не зародились те безумные идеи, которые позже потрясут мир. Он не разбирался в тонкостях человеческих взаимоотношений, а врождённая гордыня мешала ему присмотреться к жизни простых смертных, которых он считал жалкими и слабыми.

Он питал иллюзии, рисуя в воображении пасторальную картину: они с названным братом поселятся в тихом уголке планеты — вдали от интриг Франции, шума Японии и бесконечного пламени войн.

При мысли об этом светлом будущем на его губах впервые за долгое время заиграла слабая, едва заметная улыбка.

Оба француза обладали редким, магнетическим обаянием, и их улыбки, столь непохожие, несли в себе особое очарование.

Но они не видели лиц друг друга. Находясь в тесных стенах одной комнаты, эти двое существовали в совершенно разных, непересекающихся мирах.

Возможно, человеку никогда не дано до конца постичь чужой разум — слишком прочна плотская преграда, не позволяющая услышать сокровенные мысли и соприкоснуться душами.

Семя раздора уже пало в бесплодную почву. Орошаемое ложными надеждами и взаимным непониманием, оно должно было неминуемо прорасти ядовитым, уродливым цветком.

Рембо и Верлен шли навстречу своей трагедии.

И ни один из них этого не замечал.

<http://bllate.org/book/18256/1755675>